

В тот год мне было двадцать, я бредил стихами и уже мог насчитать во вселенной двух-трёх, а то и четырёх человек, называвших меня поэтом. Весной из Москвы распространилась та самая знаменитая Оттепель, что расцвела соблазнами и надеждами, а летом был объявлен День поэзии. В ленинградском Доме книги и в Лавке писателя покупатели давились за альманахом, одноимённым праздничному дню. Это была тетрадь крупного формата с яркой обложкой, которую испещряли типографски исполненные подписи участников. Некоторые из поэтов выступали, читая нахлынувшей публике и в Доме, и в Лавке. Там же можно было получить и подлинный автограф Антокольского, Слуцкого... Конечно, тогда я не увидел ни Пастернака, ни Ахматовой, им просто не давали выступать, но альманах этот (он и сейчас со мной) я впоследствии перечитывал и перелистывал многократно, поражаясь находками неслыханных прежде имён и великолепных стихов.

На 70-ой странице я натолкнулся на стихотворение Марии Петровых «Назначь мне свиданье на этом свете...», и оно сразу обожгло мои чувства. Приведу его полностью:

Назначь мне свиданье на этом свете.
Назначь мне свиданье в двадцатом столетьи.

Мне трудно дышать без твоей любви.
Вспомни меня, оглянись, позови!

Назначь мне свиданье в том городе южном,
Где ветры гоняли по взгорьям окружным,

Где море пленяло волной семицветной,
Где сердце не знало любви безответной.

Ты вспомни о первом свидании тайном,
Когда мы бродили вдвоём по окраинам,

Меж домиков тесных, по улочкам узким,
Где нам отвечали с акцентом нерусским.

Пейзажи и впрямь были бедны и жалки,
Но вспомни, что даже на мусорной свалке

Жестянки и склянки сверканьем алмазным,
Казалось, мечтали о чём-то прекрасном.

Тропинка всё выше кружила над бездной...
Ты помнишь ли тот поцелуй поднебесный?..

Числа я не знаю, но с этого дня
Ты светом и воздухом стал для меня.

Пусть годы умчатся в круженьи обратном
И встретимся мы в переулке Гранатном...

Назначь мне свиданье у нас на земле,
В твоём потаённом сердечном тепле.

Друг другу навстречу по-прежнему выйдем,
Пока ещё слышим,
Пока ещё видим,
Пока ещё дышим,

И я сквозь рыданья
Тебя заклинаю: назначь мне свиданье!

Назначь мне свиданье, хотя б на мгновенье,
На площади людной, под бурей осенней
Мне трудно дышать, я молю о спасеньи...

Хотя бы в последний мой смертный час
Назначь мне свиданье у синих глаз.

Любовь, разлука, трагические рубежи времени, в которых и мне пришлось начинать жизнь, – всё это отзывалось в сердце... Я уже знал тогда, что Петровых – адресат мучительно прекрасного стихотворения Мандельштама «Мастерица виноватых взоров», и невольно эти два шедевра объединились в сознании как диалог разлучённых любовников.

Пусть это фактически было не так, но всё равно имена Мандельштама и Петровых оказались связаны ещё неразрывней из-за другого стихотворения, которое убийственно прославило автора, сократило его жизнь и глубоко травмировало жизнь его слушательницы. Я имею в виду, конечно же, антисталинское «Мы живём, под собою не чуя страны» и всю его последующую историю. Теперь, когда обнаружен протокол допроса Осипа Мандельштама, прежде секретный, стало очевидно, что среди слушателей роковой эпиграммы он назвал следователю имя Марии Сергеевны Петровых.

Спусти четыре года, считая с того праздника поэзии, я был принят у Анны Ахматовой и вошёл в круг молодых поэтов, с которыми она держала доверительные отношения. Они были и моими друзьями. Несмотря на возрастное различие в два поколения, доверие возникло по многим совпадениям. На ней всё ещё лежала тень опалы, – ведь злополучное Постановление ЦК ВКП(б) от 1946-го года не было официально отменено, и это отпугивало не только читателей, но и чиновников по делам печати! А мы, обманутые сквозняками свобод хрущёвской Оттепели, с первых же вольных выступлений вызвали раздражение начальства, получили разгромную критику в газетах и, по существу, тоже оказались в опале.

Совпадали и наши литературные предпочтения. Мандельштам был одним из них. О нём я расспрашивал при каждой встрече. Мне нравилось, что Ахматова, непревзойдённая именно в любовной лирике, ставила превыше всех прочих его стихи, посвящённые Марии Петровых.

– Было ещё одно, о белом цвете, но оно пропало, – говорила она.

Когда я поведал, что чуть не плакал от восторга и жалости, читая стихи «Назначь мне свиданье...» самой Петровых, единственные, что мне были тогда известны, она была тронута. Их она ставила вровень с мандельштамовскими, которых смиренно называла «лучшими любовными стихами XX столетия».

– Надо вас познакомить с Марусей, она будет рада, – добавила Ахматова. И рассказала, в каком тяжелейшем шоке та пребывала в минувшую эпоху и даже после её окончания, отрёкшись от стихов, спрятав рукописи и всю переписку так, что сама не знала куда.

– Однажды я к ней пришла, но отказалась войти, пока она не найдёт свою пропажу. И стояла на лестнице до тех пор, пока её, наконец, мне не вынесли.

Будучи в Москве, я, конечно, отправился познакомиться с Марией Сергеевной к ней на Беговую. Не скоро нашёл её по адресу, расстроился, взволновался, постоял перед дверью на той «ахматовской» лестнице прежде, чем позвонить. Замечательная поэтесса держалась замкнуто, разговаривала тихо, расспрашивала об Анне Андреевне. Выслушала стихи и долго отнекивалась, когда я попросил её почитать. Когда я уже потерял надежду, вдруг прочитала одно стихотворение, но какое! Это было «Дальнее дерево», которое вошло в скромный сборничек её стихов и переводов, изданный в Ереване.

От зноя воздух недвижим,
Дерева как во сне.
Но что же с деревом одним
Творится в тишине?

Когда в саду ни ветерка,
Оно дрожмя дрожит...
Что это – страх или тоска,
Тревога или стыд?

Что с ним случилось? Что могло б
Случиться? Посмотри,
Как пробивается озноб
Наружу изнутри.

Там сходит дерево с ума,
Не знаю почему.
Там сходит дерево с ума,
А что с ним – не пойму.

Иль хочет что-то позабыть
И память гонит прочь?
Иль что-то вспомнить, может быть,
Но вспоминать невмочь?

Трепещет, как под топором,
Ветвям невмоготу, –
Их лихорадит серебром,
Их клонит в темноту.

Не в силах дерево сдержать
Дрожащие листки.
Оно бы радо убежать,
Да корни глубоки.

Там сходит дерево с ума
При полной тишине.
Не более, чем я сама,
Оно понятно мне.

Несомненно, в листве этого дерева, напоминающего нашу северную осину, обнаружился психологический портрет её самой.

Вернувшись, я рассказал о московских впечатлениях при встрече с Анной Андреевной. Мы хорошо и тепло поговорили о Марии Сергеевне. Ахматова предложила отправить ей телеграмму, как это было принято между её друзьями в прежние времена. И надиктовала следующий текст:

«ГОВОРИМ О ВАС, СКУЧАЕМ, ШЛЕМ ПРИВЕТ ИЗ-ПОД КОМАРОВСКИХ СОСЕН. АХМАТОВА, БОБЫШЕВ.»

Вот она, эта телеграмма:

МИНИСТЕРСТВО СЯЗИ СССР

ТЕЛЕГРАММА

П Р И Е М:		П Е Р Е Д А Ч А:	
го _____ час _____ мин _____	го _____ час _____ мин _____		
Бл. № 57	№ связи _____		
Принял: _____	Передал: _____		
СОСНОВО ЛЕНИНГРАДСКОЙ 501 30			
1 1745-			
Служебные отметки:			

МОСКВА А-284 ХОРОШЕВСКОЕ
ШОССЕ ДОМ 8 КОРПУС 2
КВАРТИРА 11 МАРИИ СЕРГЕЕВНЕ
ПЕТРОВЫХ-

Г О В О Р И М О В А С З П Т С К У Ч А Е М З П Т Ш Л Е М П Р И В Е Т И З - П О Д
КОМАРОВСКИХ СОСЕН ТОЧКА-АХМАТОВА З П Т БОЫШЕВ ТОЧКА-

Борисов, тип. им. 1-го Мая. Зли. 70:

*) Цифры, указанные после наименования пункта, ступеня послана телеграммы, означают: 1) № телеграммы; 2) количество слов; 3) число, когда телеграмма отправлена; 4) время отправления телеграммы (первые две цифры — час; следующие две — мин; — минуты).

Рад был увидеть наш привет въяве и убедиться спустя полвека, в ином тысячелетии, что он дошёл до адресата.

Шампейн, Иллинойс,
июль 2018